

У Хэ Чжуо не осталось ни одной разумной мысли — остался лишь безумный хмель маниакального периода. По каждой его жиле, казалось, текла бурлящая раскалённая лава. Вспыхнувшая в глубине нутра дикая, разрушительная ярость перехватывала дыхание, не давая сделать даже вдоха.

— Горячо... Как же горячо...

Из глаз огромного волка потекли алые струйки крови, из ноздрей с шумом вырывался раскалённый пар. На морде и шее под густой шерстью набухли вздувшиеся вены — шкура натянулась до предела, словно кожа на барабане, с глухим треском готовая вот-вот лопнуть.

Цзи Тинъюй замер в ужасе, беспорядочно пытаясь зажать его раны:

— Дамон, ты... Что с тобой?! У тебя же кожа трескается!

Даже в маниакальный период такого происходить не должно!

Но Хэ Чжуо было плевать. Он с диким остервенением опрокинул Цзи Тинъюя на снег. Омега ахнул от ледяного укола — воротник куртки распахнулся, и в ту же секунду шершавый, покрытый жесткими роговыми сосочками язык волка прошёлся по его феромонной железе!

— М-нгм!.. — Цзи Тинъюй глухо застонал от резкой боли, вынужденно выгибая изящную шею.

Тонкая, едва защищенная кожа феромонной железы не могла вынести столь грубой ласки. Он задрожал всем телом, израненными, испачканными в крови пальцами впиваясь в рыхлый снег.

— Дамон, не надо... Это же я...

Он беспомощно бился в лапах гигантского хищника, словно крошечный котёнок, зажатый в зубах зверя. Отчаяние вырывалось вместе с тихим жалобным писком, а из глаз градом лились слёзы:

— Больно... Дамон, мне правда очень больно... Умоляю тебя...

Зверь вздрогнул, словно имя «Дамон» ненадолго пробило глухую стену безумия.

Пользуясь секундным замешательством, Цзи Тинъюй извернулся, оседлал гигантского волка и, перехватив инициативу, сжал его вскинутую морду обеими руками.

В следующее мгновение омега подался вперёд и прижался горячими губами к волчьей пасти.

Это было похоже на то, как взъерошенный, доведённый до предела кот неожиданно дарит дикому зверю кроткий, доверчивый поцелуй.

Прижавшись к волку, Цзи Тинъюй зашептал, пытаясь его успокоить:

— Всё хорошо, Дамон... Тише, это я...

— Не сходи с ума... У меня больше нет сил...

Он стоял на коленях перед покорно припавшим к земле волком, обнимал его за массивную шею и нежно тёрся мягкой щекой о его морду.

В самый критический момент Цзи Тинъюй вспомнил слова того раздолбая-врача из американского контингента. Тот с невероятно раздражающей ухмылкой как-то вещал:

«Командир, если вашему будущему партнёру не повезёт оказаться огромным зверюгой, а вам ещё больше не повезёт попасть под его бешеный приступ, да так, что сбежать не выйдет... Послушайте моего совета: ради сохранения собственной шкуры не надо кормить его таблетками или читать сказки. Самое эффективное — поцелуйте его прямо в нос».

«Потому что все Альфы-зверолюди в душе — просто большие пёсели. Чмокнешь его в мордочку — и он тут же вспомнит, кто тут главный».

Тогда Цзи Тинъюй решил, что медик просто некстати паясничает. Но сейчас, глядя на мгновенно притихшего зверя, который трепетно ластился к нему, словно домашний пёс, омега не знал, плакать ему или смеяться.

Знать бы раньше, что всё так просто, — не пришлось бы едва не расстаться с жизнью.

В отместку он с силой тёрся о волчью морду еще пару раз. Хэ Чжуо окончательно опешил, виновато опустил голову и издал тихий, жалобный скулеж.

— Ты ещё и обижаешься? — фыркнул Цзи Тинъюй. — Чуть не загрызли вообще-то меня!

Он аж рассмеялся от досады.

Любой на его месте был бы вне себя от ярости, окажись он под тушей накачанного адреналином волка, пытающегося прокусить ему шею. Тем более он — омега, доживший до своих лет и ни разу не позволивший никому прикоснуться к собственной феромонной железе.

Да и опасность никуда не делась. Не просидит же он так в обнимку с гигантским волком

вечность, если Хэ Чжуо не придёт в себя прямо сейчас?

Быть у кого-то на поводу — категорически не в правилах Цзи Тинъюя.

Он разжал объятия и отстранился. Волчий король тут же недовольно зарычал.

— Тише.

Голос Цзи Тинъюя прозвучал сухо. Нахмурившись, он поднялся на ноги и попытался хоть как-то прикрыть обнажённую грудь обрывками разорванной одежды.

Волк попытался ткнуться носом в его лицо.

Цзи Тинъюй уклонился:

— Я разрешал ко мне прикасаться?

— У-у-у...

Зверь жалобно прижал уши и, виновато хлопая глазами, снизу вверх посмотрел на омегу.

Рассудок Хэ Чжуо ещё не вполне прояснился, в голове царил туман, но внутри отчего-то завязывался тугой узел тревоги. Он осторожно поднялся с заснеженной земли.

Роли переменились. Кот уступил место льву.

Лицо Цзи Тинъюя оставалось невозмутимым, но когда он приподнял веки и окинул волка ледяным взглядом, в его прищуренных глазах читалось высокое, отстранённое равнодушие.

Вытащив из шлёвок изуродованный ремень, он, не глядя, принялся застёгивать его обратно. Зафиксировать брюки толком не удавалось — ремень едва держался, скупо обнажая тонкую полоску белой кожи на подтянутых бёдрах. На левой подвздошной кости красовался аккуратный розоватый шрам.

Хэ Чжуо жадно впился взглядом в эту метку.

— Подними голову, — спокойно, но повелительно произнёс омега.

Волк мгновенно подчинился, замерев с послушанием преданного пса.

Цзи Тинъюй некоторое время разглядывал его, а затем резко протянул руку и накрыл ладонью волчью морду.

Теплая, мягкая ладонь обхватила кончик пасти. Хэ Чжуо блаженно зажмурился, не попадая головой за каждым движением омеги, словно от этой ладони исходил невидимый, пьянящий аромат, подчинявший его волю.

Но стоит зверю потянуться ближе, как эта сладость тут же выскальзывала из-за носа.

Чем недоступнее была ласка, тем сильнее распалялось желание.

— Хочешь поцеловать мою руку? — тихо спросил Цзи Тинъюй.

Волк ответил нетерпеливым, глухим рыком.

— Скажи мне, Дамон, с каких пор твои вспышки бешенства стали заслуживать награды?

— Ты ведешь себя плохо. С какой стати мне баловать тебя?

Едва прозвучали эти слова, как Хэ Чжуо почувствовал, будто его сердце сжала ледяная рука. В синих глазах застыла растерянность брошенной собаки.

Цзи Тинъюй отступил на шаг и скрестил руки на груди.

В лунном свете слегка испачканная кровью ключица выглядела невероятно изящно. Рваные лоскуты одежды разительно контрастировали со строгим, холодным выражением лица — сейчас он напоминал строгого инструктора, читающего нотацию новобранцу.

С той лишь разницей, что перед ним на вытяжку стоял сам Волчий король.

— Я терпеть не могу Альфы, которые не способны держать себя в руках.

Слово «терпеть не могу» отозвалось в душе волка острой болью, заставив его судорожно поджать лапы.

— Если бы ты сегодня случайно искалечил или загрыз меня до смерти, мы оба жалели бы об этом до конца дней.

Страшная мысль о погибшем омеге вонзилась в его сознание, точно раскалённый клинок. Волк тяжело опустился на брюхо, скуля и пытаясь уткнуться носом в край его брюка.

Но Цзи Тинъюй снова уклонился.

— Ты хочешь, чтобы я относился к тебе как к дикому зверю, которого можно подпускать к себе только в клетке?

Это была последняя капля.

Если первые слова ранили волка, то эти — наглухо закрывали перед ним дверь в сердце Цзи Тинъюя. Навсегда.

Ярость и безумие мгновенно сменились паническим ужасом. Неисчерпаемое раскаяние затопило разум. Больше всего на свете Хэ Чжуо боялся, что Цзи Тинъюй станет избегать его, возненавидит и оттолкнёт. С него хватило кошмара прошлой жизни — он не проживёт так больше ни единого дня.

Потерявший над собой контроль Волчий король окончательно склонил голову. Он припал к ногам омеги, выражая абсолютную покорность, и осторожно, едва дыша, стал касаться мордой края его брюк.

«Сяо Юй, умоляю тебя... Не бойся меня. Никогда не бойся...»

— Так ты способен прийти в себя?

«Я... я изо всех сил постараюсь...»

Лишь тогда Цзи Тинъюй удовлетворенно изогнул губы в легкой полуулыбке. Взирая на зверя свысока, он проговорил:

— Что ж. Теперь ты можешь забрать свою награду.

Покорность никогда не была естеством котов. Они — гордые хозяева положения. И даже если они решают подарить ласку, партнер обязан сам протянуть к ним лицо.

Хэ Чжуо осторожно приблизился. Едва ощутимо прикоснулся сначала к щеке, затем бережно лизнул тёплую ладонь.

Длинный пушистый хвост вильнул, пытаясь обвить талию омеги, но волк осекся, не смея действовать без разрешения. Он лишь преданно посмотрел Цзи Тинъюю в глаза, словно спрашивая: «А хвостом пошевелить можно?»

Этот забавный и невероятно милый вид заставил Цзи Тинъюя окончательно сменить гнев на

милость. Рассмеявшись, он распахнул объятия и прижал волка к себе:

— Дамон, вот твой настоящий подарок.

Он уткнулся щекой в синюю шерсть возле волчьих глаз и тихо шепнул:

— Спасибо, что спасал меня, не жалея жизни. Я никогда не забуду эту ночь. А теперь дай мне осмотреть твои раны, ладно?

Они вернулись в пещеру. Когда истёк пятичасовой срок действия препарата, Хэ Чжуо вновь принял человеческий облик.

В этот момент Цзи Тинъюй как раз стоял к нему спиной, перебирая медикаменты. Обернувшись, он обомлел: перед ним во всей своей нагой красе возвышался рослый, мощный Альфа. От вида его рельефных, налитых суровой силой мышц веяло такой бешеной энергией, что у омеги едва не вырвался испуганный кошачий визг.

— Ты хотя бы предупреждай, прежде чем превращаться!

— Я сам узнал за пару секунд до превращения, — спокойным, как расколотый лёд, голосом отозвался Хэ Чжуо. К нему полностью вернулся рассудок.

Цзи Тинъюй, не оборачиваясь, отпихнул ему ногой его одежду:

— Надень немедленно!

Хотя в рюкзаке убитого мужчины в красном не нашлось оружия, там имелся солидный запас еды, медикаментов, а также портативная плитка и фольгированное спасательное покрывало.

Ранение Хэ Чжуо выглядело скверно, но сам факт того, что он смог войти в маниакальный период, говорил о высокой выносливости организма. Клинок не задел жизненно важные органы, а первичная обработка раны предотвратила обильную кровопотерю — в сложившихся условиях это был наилучший исход.

Цзи Тинъюй усадил его спиной к каменной стене, обработал рану и плотно стянул её бинтами.

Завязывая узлы за спиной Альфы, омега вынужден был практически обнять его за талию. Цзи Тинъюй склонил голову, и кончики его мягких ушей пару раз случайно задели подбородок Хэ Чжуо.

Тот долго всматривался в опущенное лицо омеги, а затем резко прижал ладонь к его загривку и наклонился, принося губами к феромонной железе.

— М-нгм!.. — у Цзи Тинъюя мгновенно ослабли ноги, от резкого всплеска чувств он бессильно осел в его объятиях.

Хэ Чжуо властно сжал его запястья одной рукой, прижав к своей груди, и шершавым горячим языком медленно прошёлся по окровавленному загривку, словно смывая следы собственного безумия.

Спустя полминуты он отпустил омегу, отвернулся и сплюнул на каменистый пол сгусток крови вперемешку с мелким крошевом.

Хлёсткий звук пощёчины прорезал тишину пещеры. На щеке Хэ Чжуо мгновенно вспыхнули пять алых полос от пальцев.

— Извини, — опустив глаза, тихо проговорил Хэ Чжуо. Но извинялся он не за дерзкую ласку, а за то, что едва не загрыз его во время маниакального периода.

У Цзи Тинъюя всё ещё дрожали руки, а в глазах стояли слезы. Только что утихшая ярость вспыхнула с новой силой. Сверкнув холодным взглядом, он вцепился в воротник Хэ Чжуо, притянул его к себе и, обнажив острые клыки, со всей дури впился ему в шею.

В этом движении была дикая, безудержная злоба. Он укусил до крови, так что алая струйка побежала по коже Альфы. Но Хэ Чжуо даже не дернулся, безропотно принимая наказание.

Лишь когда во рту появился явный металлический вкус, Цзи Тинъюй разжал челюсти. Его испачканные кровью губы выглядели как два тонких лезвия.

— Если бы я не остановил тебя... ты правда загрыз бы меня насмерть? — процедил он сквозь зубы.

— Я бы сначала убил себя, — без колебаний ответил Хэ Чжуо.

Красные губы омеги изогнулись в кривой ухмылке. Сменив гнев на милость, Цзи Тинъюй небрежно набросил повязку ему на шею и хмыкнул:

— Ладно, мы в расчете.

— Проехали. Забудь. Но если ты еще хоть раз посмеешь сорваться на меня... Я из тебя всю душу выблюю, клянусь!

— Если это повторится, я сам покончу с собой, — глядя ему прямо в глаза, поклялся Хэ Чжуо.

После этой стычки обессилели оба.

Воспользовавшись найденным телефоном, Цзи Тинъюй отправил сигнал на базу. Было уже неважно, привлечёт ли это новых врагов, — Хэ Чжуо требовалась срочная квалифицированная помощь.

Завалив вход в пещеру камнями и ветками, они растопили в котелке немного снега. На закипевшей воде быстро сварганили лапшу с непонятным вкусом из найденного пакетика.

Слабый огонек портативной горелки наполнял тесную пещеру уютным теплом.

Цзи Тинъюй, подсознательно боясь открытого огня, забился в самый дальний угол.

Хэ Чжуо приподнял край спасательного покрывала:

— Иди сюда.

Омега не стал жеманиться и быстро юркнул под плотную ткань.

Хэ Чжуо крепко обнял его со спины, прижавшись грудью к его лопаткам и сжав руками его талию. Получилось эдакое жесткое, но надежное защитное гнездо.

От взаимного тепла под покрывалом стало совсем жарко. Ароматный пар от лапши поднимался к потолку, высекая из глаз слезы.

— Даже не верится, что мы уцелели... — тихо проговорил Цзи Тинъюй, поворачивая голову.

Пусть положение оставалось отчаянным, а смерть могла настигнуть их в любую секунду, но рядом с этим человеком все казалось не таким уж беспросветным.

— Угу, — отозвался Хэ Чжуо.

Он наклонился, осторожно касаясь ладонью его щеки. Его синие, как глубинный лёд, глаза оказались совсем близко — он явно хотел прислониться своим лбом к его лбу.

Заметив это, Цзи Тинъюй порывался отстраниться, но широкая ладонь на его спине не дала

ему сбежать.

— Сяо Юй, мне было очень страшно, — глухо прошептал Хэ Чжуо. — Я боялся даже представить, как бы ты справлялся со всем этим в одиночку.

В прошлой жизни, спасая сослуживцев, омега повредил слух и ноги, а затем оказался отрезан от своих в заснеженных горах, зажатый во вражеское кольцо. Хотя он и выкарабкался тогда чудом, но подорвал здоровье настолько, что не доживал и до тридцати.

— Ты что, сомневаешься во мне? — омега недовольно повел ушами. — Признаю, ты силен, но и я не промах. Забыл, кто вытащил тебя из-под колес?

— Ты. И я бесконечно благодарен тебе за спасение.

Хэ Чжуо тепло улыбнулся и сжал его в объятиях. Цзи Тинъюй издал тихий удивленный звук, уткнувшись носом в его плечо.

Их поза напоминала двух переплетшихся шеями лебедей. Феромоны перемешались, создавая ощущение невероятной, почти интимной близости.

Это переходило границы обычного знакомства, но Цзи Тинъюй почему-то совсем не хотел сопротивляться. Ему было слишком хорошо...

Казалось, это самое удобное место на свете, будто созданное специально для него.

В эту минуту начальник Цзи почувствовал себя маленьким котёнком, которого защищает и оберегает этот незнакомый, но ставший родным человек.

Для сильного и независимого омеги это ощущение было совершенно новым. Непривычным... и невероятно сладостным.

—...Почему? — всё же не удержался он от вопроса. — Почему ты готов пойти на всё ради меня? Мы были знакомы раньше, а я просто забыл?

Хэ Чжуо поднял взгляд, словно пробуждаясь от долгого сна, полного сожалений, и наконец обретая то, о чём мечтал всю жизнь.

— Сяо Юй, тебе не нужно искать причины. Просто знай: мои глаза всегда будут смотреть только на тебя. Что бы ни случилось, какой бы ценой это ни обошлось, я сделаю всё, чтобы ты жил. Это моя присяга.

Голос Волчьего короля звучал так твёрдо и непреклонно, точно закалённый клинок, вонзившийся в землю. Сердце Цзи Тинъюя пропустило удар.

Опустив взгляд, омега тихо спросил:

— Ну... ладно. И чего ты хочешь взамен?

Цена за такую присягу явно не могла быть низкой.

Хэ Чжуо наклонился к его феромонной железе и слегка вдохнул родной запах:

— Если мы выберемся отсюда живыми, ты превратишься в котика и дашь мне тебя лизнуть пару раз?

— Опять ты за своё...

Цзи Тинъюй уже научился не реагировать на его подколки.

Но Хэ Чжуо продолжил вполне серьёзно:

— Разве не ты первый спросил? Сяо Юй, ты ведь отлично знаешь, чего я хочу. Ты раскусил меня в первую же нашу встречу, разве нет?

— И что же я должен был раскусить? Что ты притворяешься джентльменом, а на самом деле тот ещё извращенец?

— Что я хочу тебя.

Эти холодные, предельно откровенные слова заставили загривок Цзи Тинъюя вспыхнуть от жара. Два жестких пальца властно подхватили его за подбородок, заставляя поднять лицо, и хищный, ястребиный взгляд Хэ Чжуо впился в его глаза.

В этот момент Цзи Тинъюй увидел в нем такую беспощадную, темную решимость, словно этот человек был готов снести любую преграду на своем пути.

«Чтобы заполучить тебя, я пойду на всё».

Шрам на лице Хэ Чжуо казался молчаливым подтверждением этих слов. Если человек готов легко отдать жизнь, что вообще способно его остановить? Кажется, у него даже нет возможности ответить отказом.

От этой мысли у Цзи Тинъюя мурашки побежали по коже, и он невольно попытался оттолкнуть Альфу.

Однако Хэ Чжуо отстранился сам и поднял открытые ладони, демонстрируя полную безобидность:

— Впрочем, я умею ждать. Пока ты сам не захочешь принадлежать мне, я не позволю себе лишнего.

Надо же, как искусно притворяется благородным!

—...Извращенец, — буркнул Цзи Тинъюй, с наигранным презрением шлёпнув его по обоим рукавам, хотя в его глазах блеснула задорная искорка.

Лапша сварилась. Горячий пар разносил аппетитные ароматы острого соуса и расплавленного сыра, пропитавших каждую ниточку пшеничной нити.

За неимением приборов они отмыли лезвие длинного ножа и по очереди наматывали на него лапшу, с трудом кормя друг друга. Наблюдать за этой нелепой картиной было настолько комично, что оба то и дело прыскали со смеху.

В итоге они выпили бульон до последней капли. Цзи Тинъюй сладко потянулся:

— Тебе пора поспать и набраться сил.

Хэ Чжуо натянул покрывало ему на голову, соорудив уютный шалашик.

Цзи Тинъюй фыркнул:

— Да уж, после твоих безумных признаний я прямо-таки сразу и усну!

...И мгновенно отключился.

Да так глубоко, что потерял контроль и превратился в свою истинную форму.

Крошечный пушистый комочек выскользнул из ворота куртки, но Хэ Чжуо вовремя подхватил его широкой ладонью.

Смешной рыжий котёнок размером с яблоко распластался на его руке, обнял лапками его большой палец, несколько раз сладко тёрся мордочкой и окончательно погрузился в сон, тихонько замурчав.

Свободолюбивый лев спрятал острые когти, обратившись безобидным котиком на груди у Волчьего короля.

Тот, кто только что подчинил себе лютого зверя, и сам не замечал, как постепенно поддаётся чужим чарам. С той лишь разницей, что Хэ Чжуо покорился страху потери и раскаянию, а Цзи Тинъюй — заботе и любви.

За пределами пещеры снова разыгралась метель. Дикий ветер завывал в ущелье, но волк и его котёнок были укрыты под тёплым покрывалом.

Придерживая пушистый задок котёнка, Хэ Чжуо бережно уложил его к себе на грудь и едва ощутимо поцеловал самый кончик его хвоста:

«Спи, малыш. Я буду охранять твой сон».

В это же самое время в ночном небе за несколько километров от них...

Расправив мощные крылья, огромный орёл рассекал морозный ветер. Сложив оперение, он стремительно пикировал вниз и, коснувшись земли, обратился человеком. Смахнув снег с плеч, он накинул темно-синий верховой костюм.

Это был Шамоцин.

<http://bllate.org/book/20173/2121749>